

Василий делает лодку, пятиопружку. Дело привычное, приятное. Руки сами знают, что делать. Сколько их за всю жизнь сделано, и себе, для рыбалки, и людям - не сосчитать! Плоскодонки делал из широкой доски. Долблѐнки из цельного ствола - «душегубки», на воде быстрые, но вѣрткие, опасные без привычки. Чуть резко, неосторожно повернулся, дѣрнулся и - оверкиль! В воде рыбак. Баркасы делал, большие, на четыре больших весла, на четырёх гребцов - траву, сено возить из-за реки. Так бывало нагрузят – вода в двух пальцах от края борта! Ничего, плывут. С кормой делал, без кормы, разные... Давненько не занимался этим ремеслом. А тут, как всегда в серѣдке лета, накатили, деньки эти... Окаянные. Яркие, знойные, когда-то радостные, наполненные хлопотами, делами. Счастьем... Пустые, совсем ненужные - теперь. Да вечера и ночи эти, белые, бесконечные, принялись доканывать. Благодные, желанные, в те годы зрелые. Такие муторные, щемящие - сейчас...

Бродит старик, сутками – ни сна, ни дела! Мается.

Сунулся, с тоски, в «мастерскую» - сарайку за баней, а ОН, голубчик, – тут его и ждет! Давно забытый. Материал, – доска, бруски, ёлка. Вот - что нужно! Выволок на свет божий и пошло дело! Киль уже готов, из цельной нетолстой ёлки, к нему в пазы – опруги, шпангоуты по-мудрёному. Гнутый, закруглѐнный корень ёлки будет носом. Сейчас набирает борта, снизу вверх, внахлѣст, из тонкой сосновой доски. Не спешит, некуда спешить, давно на пенсии. Хорошо делает Василий лодки. Шуршит из-под рубанка тонкая стружка, жѣсткая ладонь привычно оглаживает доску. Ровно текут мысли. Думается о прожитом. Вспоминаются жены, дети... Первая жена у Василия была Александра. Погибла она, утонула. Река забрала. Летом, на сенокосе было. Косили за рекой, на заливных лугах. Погода стояла как на заказ, знойная, с ветерком. Сено сушило быстро: поворoshiл денѣк и метать можно. Работалось споро. На покосы выходили всем колхозом, вместе и косить веселее и зароды легче метать. Обедали тоже вместе, на костре варили кашу или суп. Котѣл огромный! Усаживались вокруг него на свежескошенной траве, взрослые, ребята. Хорошо!.. Замер рубанок на половине доски... Вечереет. Прошло стадо. Розовая пыль висит над улицей, там, в конце её, под высоким крутым берегом – река...

Очень рано, с зарей проснулась Александра, как что толкнуло её, глаза открыла – будто и не спала! Стараясь не разбудить домашних, тихонько проскользнула на крыльцо, подняла к ласковому солнышку

лицо, и... Замерла. Всё в мире изменилось вдруг: цвета, звуки, запахи - всё стало ярче и милее, необъяснимая радость теснила грудь. Неожиданные, непонятные слёзы на лице, но ни грусти, ни печали. Чудно... Как-то особенно долго собиралась сегодня невестка на покос, тщательно выбирая, что надеть. И надо же - оделась во всё новое, чистое, чем вызвала явное недовольство свекрови. Ишь, набасилась! Промолчала старая. Но когда Александра неожиданно уселась за столом не на своё место у печи, а в передний угол, испугалась даже свекруха:

- Ос-с-споди, - как гостя! Вырвалось у старухи.

- Да что вы, мамаша, смотрите – день-то какой сегодня! - Ещё неожиданнее в ответ Александра. Обедали на пожне весело, шутили, хохотали. Больше всех смеялась и радовалась Александра. Но расстелив чистое полотенце с едой, ни к чему не притрагивалась. Сидела, положив руки на колени, и всё звала подруг: «А айда, бабы, купаться!».

Наконец не выдержав, вскочила и бегом к реке! Девки, бабы за ней. Шумно было. Искупались, одеваться - похватили свои рубашки, сарафаны. Одна рубашка лежит... Разбираться - чья, кто?!

Видят – Александры! Кто-то вспомнил, что нырнула она... По ка мужики прибежали - купались отдельно от мужиков, - время ушло. Василий, резкий такой был, с ходу – нырять... Нашёл, вытащил. Давай все откачивать... Даже говорили, что какие-то признаки сразу были... Но вот уже вечер. Не воя и не причитая, горько плачет свекровь. Молчит, безучастная ко всему, пятилетняя Зойка. Трёт глаза и всё оглядывается растерянно по сторонам - не верит происходящему, старший Алёша. Голодным плачем захлёбывается в зыбке золотушный Пашка. Глядя на детей, плачет Василий. И теперь уже на своём, законном месте - в переднем углу, на столе под образами, лежит Александра. Тихая. Спокойная. Нарядная... Доска валяется на песке, сидит работник, курит... Десятки лет одно и то же видит: как в сумрачном водовороте омута серебрянно сверкают рыбки и плывёт, летит по кругу с ними обнажённая Александра. Тоже вся сверкающая, в зеленоватых солнечных лучах... Но не доплыть ему, не дотянуться... Крепкий табак нынче попался – глаза ест.

Через две недели после похорон Василий привёл в дом Наталью. А куда деваться?! Хозяйство, дома трое ребят, старшему девять, младшему – два, мать-старуха еле ходит. Сенокос в разгаре, пахоту не закончили, там, гляди и рожь поспевать начнёт. Самого сутками дома нет – много работ в колхозе в эту пору! Председательствовал тогда Василий. Ох уж эти колхозы! Кисет упал в песок, снова крутит самокрутку - не замечает. Судорожно затягивается, пальцы подрагивают. Жизни не видел, детей не видел! День и ночь работал,

а свои же, колхозные - предавали... Вредительство даже «шили», было. «Сорвал посевную!..». Всего-то на полторы недели позже сев начали. Сообщили...

Тут же проверяющий из области:

- Война идёт! Страна недополучит хлеба! Следовательно – то же:

- Вредительство. По законам военного времени! И документы уже готовы, а в поле выйти - нет их! Земля-то мёрзлая, не смотри на календарь, что конец мая. Север! Если бы не «Первый» - ехать тогда Василию не колхоз отстающий поднимать, а на «более крайний Север» и за казённый счёт, в запечатанной теплушке...

Отстоял первый секретарь. А вот на войну не отпустил. «Здесь твой фронт, – колхозы!». Сколько раз впрягался! Честный был председатель - голодал, но колхозного не брал, горсти зерна колхозного домой не принёс! Детей мучил... Видано ли где: семья председателя – и без коровы! Дети без молока. Пала тогда корова, вернее «люди добрые помогли»: притащила кишки за собой с пастбища – ткнули косой в брюхо. Забрела, видать, на чужой надел, потоптала. Петрович, счетовод, тогда, в сорок третьем: «Давай Василий Иванович, спишем каку похуже телушку на падёж. Ну ли, хоть овцу! Голодают твои-то. Вон, в «Первомайском» помогают своим, «процент» - положено на падёж». «Только попробуй! Под суд отдам! Процент! Не посмотрю, что свояк!». И отдавал под суд, бил по рукам, чужим, своим. Жёсткий был председатель Василий, гордый. А «отчётно-перевыборное», глядишь, почти все колхозники и половина правления – против! Петрович какой-нибудь очередной избран председателем. Прокатили Василия. В сердцах плюнет и – в соседний леспромхоз, на валку леса, там хоть деньги. Опять жена одна дома бьётся, дети одни. Только успокоится, полгода какие-то, – предрайисполкома: «Выручай, Василий Иванович! Тебя снова в «Труженике» выдвигать будем. Двоих после тебя сменили, а всё одно - на трудодень больше четырёхсот грамм не выходит, против твоих двух кило». Председатели, ети их! Только домой мешками таскать!

Снова мечется Василий по пожням, по полям, с утра до ночи. Снова председатель. Избрали. Глаза у людей открываются, когда есть-то хочется.

Табачок потихоньку успокаивает. Звенит в руках лучковая пила, мысли постепенно возвращаются к ней, к лодке.

«Не известно, чья ещё будет...» - бормочет про себя Василий, хотя в глубине души уже определился. Знает, вернее, придумал, кто на ней поплывёт. Семья это будет: ОН, ОНА и дети, трое. «Сами они ещё молодые. ОН - крепкий такой, лет ему под тридцать, самое то, за вёслами, вот на этой скамье. Широко расставленными ногами в броднях упирается в среднюю опругу... Вёсла сделаю лёгкие, из

сосны опять же, голубые, а лопасти красным покрашу. Такие, когда из воды, мокрые, на солнце далеко видать!».

...Рукоятки у вёсел уже гладкие, отполированы крепкими мозолистыми ладонями. Уключины из цельной берёзки, прочные, не скрипят, долго не изнаются; да в рундуке запасных - пара. Гребётся мощно, аккуратно, без брызг, только ровные полоски на воде, от капелек с вёсел. Лодка словно чувствует силу гребца: идёт быстро, ровно, послушно, как будто знает, что ценный груз везёт.

ОНА на руле, напротив него. Совсем молоденькая. Правит, весло под мышкой держит. На голове платочек беленький, на ногах резиновые сапожки, чёрные, блестящие, точь-в-точь по полной икре. Смотрит на него, улыбается. ОН, притворно грубовато:

- На реку смотри, на топляк наткнёмся! - Сам доволен. Радуетя. И от этих мыслей, наконец, тоже чуть улыбается Василий, впервые за целый день...

Наталья была второй дочерью у соседа, писаря. И было ей всего девятнадцать, но на удивление спокойно пошла она за Василия. Как потом оказалось - не от хорошей жизни в родительском доме. Не любимой дочерью была у отца.

Справно жил писарь, зажиточно: новенький пятистенок, хозяйство, лошади, коровы. Со странностями был мужик. Всё парня ждал, наследника, а жена ему одних дочерей приносила. С первой как-то смирился. И потом, когда всё так же девки рождались, даже любил по-своему, младших. Этой не простил - сын должен был вторым быть! Мстил ей. Бывало, запивая, мог запросто, как котёнка, вышвырнуть дочь из избы на мороз. А когда потом младшие дочери одна за другой помирали от тифа, упрекал её, рыдал всё, пьяный: «Ты-ы-ы бы лучше померла-то! Ты-ы-ы... Почему-у-у не ты-ы-ы?!».

Наталья вышла замуж «на троих детей». Старшим был Алёша. Толковый парень, умный и с хитринкой. В школу ходил за пятнадцать километров. Неохота, бывало, идти:

- Давай, тятя, лучше понячусь с маленькими. Отправит строгий отец: «Ступай, Алёша, учиться надо!».

Уйдёт, а уже на следующий день явится обратно. Уроки не учил, в первом классе заставят букварь читать, он книжку откроет и давай декламировать:

- Ма-ма! Па-ма! - Бойко тараторит, но каждый раз по-разному, одно и то же место. На картинку смотрит и сочиняет себе, да складно так! Хохочет папаша:

- У нас Алёша букв ещё не знает, а читает уже хорошо! Молодец!..

Умер Алёша рано - тринадцати лет, от простуды. Поздней осенью, в распуту, возвращался с учёбы. Школа была в селе, за рекой. Снег

уже лежал. Холодно, сыро; то примораживало, то оттепель с дождём. День проглядывал хмурый, короткий - с девяти до двух, а в третьем небо уже серело, сумерки подкатывали. Как красиво, весело на реке летом, как ласкова река в солнечный день! Бескрайние золотистые пески и плёсы тают в синей дымке, по берегам ярко пестреют выкошенные луга. Ходят катера, снуют лодки. Над всем этим высокое голубое небо, щебечут птицы, орут чайки, тёплый ветерок рябит волну... И как, даже не тоскливо – пугающе мрачно, смотрит большая северная река поздней осенью. Неоглядное, шире километра, тёмно-свинцовое пространство ледяной воды, полностью забитое рыхлым мелким льдом, плотным мокрым снегом – «шугой». Всё это мощно, непрестанно движется, трещит, бурлит, встаёт на дыбы. Над водой низкое серое небо, чёрные тучи, из них то дождь, то снег. И постоянный пронизывающий, холодный ветер. Кругом ни души - нечего делать на реке в это время, нечем любоваться.

Река уже стояла, вернее вставала. Не сразу она встаёт, кричит грозно, недовольно, натягивая на себя ледяное одеяло, укладываясь на долгую зиму. Несколько дней требуется могучей, чтобы заснуть до весны, под белым панцирем. «Сало» - шугу, небольшие льдины набивало, где поуже, и на поворотах в плотную массу, в торосы. Там уже переходили, кто посмелее. Алёша тоже не из робкого десятка и переходил, бывало, правда, не один, с товарищами. Заскучал в интернате. Долго зимника ждать! Рванул один после уроков, полтора часа - и у реки Алеша!

А тут, главное, знать – где. Да ещё досочку обязательно прихватить, не забыть! Метра полтора. Без неё – совсем страшно...

«Вот здесь надо, у кустов. В этом месте и лёд набило плотно – затор, и следы на снегу. Топтались, видно долго. Пацаны, наверно, старшие...». Тоже долго стоит, топчется, решается. «Ох, и широко же здесь - тот берег едва виден... Морозит сегодня. Может, обратно?». Смеркаться начало. Решился. Домой шибко хочется - две недели не был. Пошёл Алеша. Ну, с Богом!

Хорошо идёт, ловко, быстро. Нельзя задерживаться! Кидаёт досочку – мостик, с льдинки на льдинку, с кучки на кучку. Три шага по ней – встал на твёрдое, нагнулся, подтянул досочку – кинул дальше, снова три шага по мостику. По сторонам не смотрит - нечего там смотреть! Только – вперёд, на три шага... А по сторонам-а-ам! Всё шуршит, журчит, скрипит, переливается. Льдины в затор набило плотно друг к дружке, стоя, держат хорошо. В сумерках они ярко-белые, а лужицы, промоины, полыньи, «озёра» - чёрные, страшные! Неизвестно, мелко там – льдина, или бездна... Ещё страшнее, когда громкий треск, скрип - вдруг подвижка!

С т р е м и т е л ь н о

темнеет. Но вот уже и тот берег хорошо виден, метров сорок – пятьдесят ещё... Внезапно сзади, где-то на серёдке реки, страшно бухнуло, затрещало. Досочка сдвинулась вправо. Вздогнул Алёша, шагнул за ней вправо и сразу провалился правой ногой! Зачерпнул полный валенок ледяной воды, но не глубоко, по колено!

Дёрнул ногу – не даёт! Зажало льдом. Диким страхом пронзило всего! Ухватившись руками за льдину, рванул Алёша изо всех сил и выдрал босую ногу из папкиного валенка! Пошатнулся, шагнул влево и тут же ухнул с головой в смертельный холод. Дна уже не почувствовал... Секунды пролетели, минуты?.. Пока осознал Алёша, что висит на руках, держась за лёд, по горло в воде. Сжало всего страшным ледяным прессом, не двинуться!

- Ма... - Ма... - Ма... Не вдохнуть, не выдохнуть от холода...

- М-м-ма-ма-а-а!!!

Снова треск, – снова подвижка. Чуть свободнее стало ногам. Обламывая ногти, раздирая в кровь руки, колени, босую ногу, вывернул из полыньи на лёд страшно тяжёлое, непослушное тело. Тут же пополз, поминутно снова то рукой, то ногой проваливаясь в холод, уже не чувствуя его, и почти без страха; на карачках, на ощупь, наугад! Почему-то как бабка, причитая тоненьким голоском: «Осподи-и! - Осподи-и! - Осподи-и-и!»). Туда, к чернеющему спасительному берегу, к дому... Когда выбрался на дорогу, стемнело уже. Нельзя стоять! Знает Алёша - бежать надо, идти хотя бы! Семь километров. Не идут ноги... Коробом стало пальто, брюки, проволокой волосы на голове – утонула шапка, рукавицы, валенок. Не работают мышцы, сковало – будто резиновые. Смекнул, с трудом переобулся - портянку из уцелевшего валенка как мог отжал, намотал чуней на босую ногу. Крупная дрожь начала сотрясать худенькое тело, до боли свело челюсти, пугающе громко застучали зубы. Но пошёл, не чувствуя уже ни рук, ни ног...

...Как-то до дому добрёл. Забегали все сразу, завыли бабы. Забросили парня на горячую печь, растирали, завалили одеялами, полущубками, поили горячим молоком, чаем, сушёной малиной, травами. Всю ночь топили баню, парили. Молились... Но не встал Алёша. К утру закашлял, поднялся сильный жар, началась одышка, бред. Просил всё, задыхаясь:

- Лёд уберите! Лё-ёд! Грудь льдина давит. Лё-ёд уберите!..

Привозили фельдшера, на родах был в соседней деревне. Осмотрел. Диагноз поставил - пневмония крупозная.

- Стрептоциду-бы надо... Да далеко, в райцентре - сто километров с лишним.

Велел водкой растирать... Прометался Алёша в страшном жару четверо суток и умер, от крупозной пневмонии. В народе «простудой»

называли. Не лечили тогда от простуды...

Над рекой проплыли огоньки: зелёный, жёлтый. «Двиносплав» прошёл - катер, мачта только видна из-под берега. Подпрыгивают, расплёскиваются огоньки. Близко стариковская слёза... Снова шуршит стружка. «Проконопачу кручёной паклей, просмолю пеком - варом. Скамейки шкуркой отшлифую, покрашу жёлтым... Дорого не запрошу... Так отдам. На дно лодки трапик из речек, чтобы ноги у ребят – сухие. Рядом с хозяйкой дочь, большинькая уже. Умница. Мальчишки – те на носу, «капитаны»!..

Младший Павел деловой был. Все швейные иголки, бывало, на реку снесёт. Туго с едой по весне - одна картошка. Как только ледоход пройдёт, Паша уже на рыбалке. Целыми днями на реке. Вечером шагает гордый - полный котелок плотвы в руках несёт. Ни крючков, ни лески нет, а без рыбы ни за что не вернётся! Вместо лески - волос длинный, прочный, из конского хвоста.

- Кормилец наш! - Сквозь слёзы смеётся Наталья. Последнюю швейную иголку, бесполезно прятать – найдёт Пашка! Раскалит на костре, загнёт, - переделает в крючок! Снова Наталья без единой иглы в хозяйстве. Райпотребсоюз-то - пятнадцать километров по тайге, когда ещё сбегашь! Стерпит мачеха, не ругает. Ладно - уха вечером на столе. Добытчик! Дружно жили, как брат с сестрой. Вырос деловой Павел. Девятнадцати лет, в сорок третьем, забрали на войну. Воевал до победы, был в разведке. Вернулся живым. Гордость отцу - на груди принёс: «За отвагу», «Красную звезду» и Орден Славы. Да две нашивки за ранения. Как, где - не рассказывал, не любил. И ещё одна беда, без нашивки, позже обнаружилась. Испортила его война – сильно выпивать начал... Не взяла Пашу война. Погиб дома. Нелепо погиб - утонул. На машине везли из райцентра товары в поселковый магазин. Выпили, по пути добавили, мужики - в кузов, на ящики с макаронами, курить. Павел - за руль. Хорошо поехал, но там, где дорога вдоль реки, вдруг съехал в воду. Мужики с хохотом поспрыгивали, не глубоко вроде! Паша выбраться из кабины не смог...

Дочь чаще вспоминается уже большой, взрослой, двадцать девять ей было... А родилась слабенькой, думали, не выживет. Мать всё плакала, Бога молила. Отставала Зоя с самого рождения. В пять лет не говорила ещё, бродила за бабкой, держась за подол и всё пальчик в рот. Так и росла рядом, как подорожник какой, тихая, незаметная, безмолвная. В школу не ходила вовсе. «Засматривалась» она. - Родимчик её забирает! Святой водой-бы надо! Заговором! - Советовали бабки. Делает что-нибудь Зоя по дому или на улице и вдруг застынет. Смотрит, смотрит перед собой через предметы, как будто видит что. Потом падает и судороги. Припадки у неё

были. Не помогали заговоры... Дома сидела. Молоденькая мачеха, натерпевшись обид от жестокого отца, жалела её. И Зоя привязалась к ней, полюбила. Летом Зоя постоянно на огороде. Когда повзрослела – много работала. Но в лес, на сплав, у механизмов - где заработки, её не брали. А работать хотела, помогать хотела, видела, как трудно живётся семье. Высокая была, баская, а гулять не ходила. Хорошая была. Работала, работала... О чём думала? Тосковала?..

Хотела, наверно и гулять, и дружить. Любить, нянчить своих детей. Был, может и тот, единственный, при случайных встречах с которым, тревожно и радостно билось девичье сердце... Никто уже не узнает. Тогда всё некогда было спросить - сейчас уже не спросишь... Сутками метался Василий по реке, на катерах, на своей трёхопружке, по затонам, отмелям, кустам - безрезультатно. Искал, кричал, звал Зою. Хотя сразу понятно было - бесполезно звать. В память врезалось: лето, жара, ярко светит солнце, ослепляюще блестит река, а глянешь на небо – чёрное небо! Реку даже просил, чтобы отдала дочь... Отдала...

Дома сидит Василий. Сам почернел. Без сил уже - ни сна, ни еды. Видит вдруг - один прошёл, другой. Вышел на улицу: люди всё идут, идут куда-то, быстро идут, молча... Побежал отец, понял всё сразу. На реку...

А взяли Зою на катер, когда Василий был на сплотке, в соседнем леспромхозе. И взяли-то сходить вверх по реке, на нефтебазу за горючим - мазут, солярка, масла там всякие. Тут всего: день - туда, день – обратно. Помощником взяли, шланги подавать, сторожить. Некого больше было, лето – все на сенокосах, на сплаве, не хватало рабочих. Да и сама просилась. Опять же люди на катере постоянно: капитан, он же рулевой - за штурвалом, да моторист. Тот, правда, в моторном постоянно...

Ходили с баржей, на короткой сцепке. На барже две-три большие бочки – ёмкости, вот туда и заливали. Ну, а помощник - он на катере в трюме, или на барже, вроде бы, и под присмотром. На базу пришли, загрузились, обратно вышли – всё нормально. Рулевой вперёд смотрит, моторист - у мотора. А когда пропала помощница - и не заметили. Всё, вроде, в трюме была...

С вечера собралась Зоя на работу: тщательно прибралась в доме, вымыла полы, приготовила, что надеть с утра - всё новое, чистое. Утром вскочила, быстро оделась. В сумку – ломоть хлеба, пучок лука, молока бутылка и бегом на реку.

«Господи, день-то какой сегодня!» Монотонно стучит дизель на «Шиговарах», шустро бежит катерок вниз по реке. Вечер. Полный штиль. Закат. Не слышно птиц и не мешает шум мотора. Тишина. Зоя на корме. Плывёт с ней вместе золотисто-розовое небо. И плавно,

вправо-влево, разваливаются волны. Две первые - большие, ровные и гладкие. В них небо изгибается, переливается причудливо, дрожит. За ними мелкие, - все с гребешками, пузырями, пузырьками. Разбивается и рассыпается в них «золото» на миллионы разноцветных огоньков и бликов. Тёмно-зелёные огромные шары, валы всё выплывают у кормы. Манящие, тяжёлые, густые. И хочется смотреть, смотреть и невозможно взгляда оторвать... Так плыть всю жизнь, не помня горя, ни печали, забыв насмешки, взгляды и обиды. Как хорошо, легко сегодня на душе. И радостно, и больно, слёзы на глазах! И все зовёт, зовёт её куда-то голос, такой знакомый, ласковый, родной. Засмотрелась Зоя... Искали её долго, больше недели... Нашли Зою плотогоны – с плота увидели, на плоту и повезли. На встречу из посёлка вышел катер, с плотом-то не причалишь. На катере довели, на «Шиговарах». Туда, на берег, и бежит Василий. А как выбежал к обрыву - подкосились ноги, оставили его силы...

Похоронили Зою в селе. В посёлке не хоронят - заливают река посёлок каждую весну, в половодье. Топит. Могилка её недалеко от церкви. Там и лежит его Зоя. Бедная Зоя. Хорошая Зоя.

Темнеет. Прохладная пыль под босыми ногами. На зеленоватом небе загорелись звёзды. Летят гудки со стороны реки и всё плывут, дрожат там изумрудные, янтарные огни... Давно уже нет и Натальи...

Снова курит Василий Иванович, глаза влажные. Поплакал - чего скрывать. Полегче стало на душе, и пусто как-то... Вот поплывут на его лодке те – молодые, дружные. «Просто так» поплывут, у костра посидеть, отдохнуть, как сейчас говорят. А вечером на берегу, на лавочке, их старики. Она:

- Глянь, не наши ли гребутся?

Он: (давно уже увидел и радостно узнал по этим вёслам – два красных солнышка всё загораются в гребках!) - На-а-аши, мать, наши!

Мечтает Василий. Но давно уже никто не заказывает ему лодки. Сейчас всё больше на дюралевых, из магазина. Прочнее и с мотором - сила, скорость. Отлично делает Василий лодки. Славные получают, красивые, лёгкие. Мастер Василий. И рыбу хорошо ловит. Но давно не был он на рыбалке. Давно уже не любит Василий рыбалку. Не любит реку. Совсем темно над лодкой. Рубанок «вжикает», поёт пила, белеет стружка на песке. Работает Василий. Улыбается.